

ДВУЛИКИЙ ХРОНОС. СЛОВАРЬ ВРЕМЕНИ, ОБРАЩЕННОГО ВСПЯТЬ

М. Н. Эпштейн

Университет Эмори
Атланта, США

Аннотация: В статье исследуется история возникновения понятия «ретромания» и анализируются возможности и особенности его применения к российской социокультурной ситуации XXI в. Отличие российской ретромании, во-первых, в масштабе распространения, несопоставимом с масштабом поп-культуры, в пространстве которой родился исследуемый термин; во-вторых, российская ретромания обращена не в недавнее прошлое, а в прошлое глубокое, достигающее архаических пластов культуры. Ретромания принимает формы новой политической метафизики — некрократии, тотального привлечения в свидетели и акторы современности героев прошлого, в первую очередь участников войн. Предлагаются символические формы работы с прошлым и производные от них практики. Общая стратегия некрократии явлена в танатализации — доминировании на всех уровнях общественной психологии и идеологии ценности смерти по отношению к эросу. Хронос также рассматривается как время, меняющее направление, текущее вспясть. В статье предлагаются новые формы существования российского Хроноса, обозначенные понятиями тотальгии, хроноцида, новейшего средневековья, ухронии, шизофашизма, новомосковии, топохрона и хронократии. Тотальгия носит эмоциональный характер, выражается в тоске по тотальности, тоталитаризму и закрепляется в идеологии. Хроноцид — насилие над естественным ходом времени, в этом отношении наблюдается преемственность с советской идеологией, где вся риторика носила проектный характер, точно так же, как сегодня прошлое доминирует над настоящим. Ухрония предполагает конструирование состояния безвременья, а новейшее средневековье характеризуется ростом религиозного и политического фундаментализма. От фундаментализма прямой путь к фашизму, который явлен как шизофашизм, т. е. фашизм под маской борьбы с фашизмом. Для анализа топоса современной ретроманской России используются понятия «новомосковии», выраженной в доминировании Москвы в массовом сознании, «топохрона» — преобладания топоса над хроносом. В статье предлагается оптимистический вариант развития, выраженный понятием хронократии, когда время в его метафизическом сакральном значении побеждает профанную политику ретромании.

Ключевые слова: ретромания, некрократия, танатализация, хронократия.

Для цитирования: Эпштейн М. Н. Двуликий Хронос. Словарь времени, обращенного вспять // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 180–198. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.009

TWO-FACE CHRONOS. GLOSSARY OF THE REVERSED TIME

M. N. Epstein

Emory University
Atlanta, USA

Abstract: The article explores the history of the concept “retromania” and analyzes possibilities and specific features of its application to the Russian socio-cultural situation of the 21-st century. The distinction of Russia retromania resides, in the first place, in the scale of its spread incompatible with the scale of pop-culture in the space of which this term was born. Secondly, Russian retromania faces away from the recent past; it is directed to the deep past reaching archaic layers of culture. Retromania acquires forms of a new political metaphysics — necrocracy, total involvement of heroes of the past, especially war participants as witnesses and actors of modernity. The paper offers symbolic forms of work with the past and practices derived from them. The general strategy of necrocracy is depicted through tantalizations — the prevalence of death value regarding eros at all levels of social psychology and ideology. Chronos is also considered as time that changes its direction and flies backwards. The article introduces new forms of the existence of Russian Chronos marked with the concepts of totalgy, chronocide, the newest Middle Ages, uchronia, schizofascism, New Moscovia, topochron, and chronocracy. Totalgy is of an emotional nature and is expressed in a longing for totality, totalitarianism, and is fixed in ideology. Chronocide is violence towards the natural course of time. And in this respect, one can observe continuity with Soviet ideology where all the rhetoric used to be project-based as well as today the past dominates the present. Uchronia implies the construction of a state of timelessness, and the newest Middle Ages are characterized by the increase in religious and political fundamentalism. There is a direct way from fundamentalism to fascism which manifests itself as schizofascism, i.e. fascism under the guise of combating fascism. Such concepts as New Moscovia expressed in the dominance of Moscow in mass consciousness and topochron — the prevalence of topos over chromos were used to analyze the topos of current “retromanian” Russia. The article offers an optimistic scenario of the development expressed by the concept of chonocracy when time in its metaphysical sacred meaning defeats the profane politics of retromania.

Keywords: retromania, necrocracy, totalgy, chronocide, the newest Middle Ages, uchronia, schizofascism, New Moscovia, topochron, and chronocracy.

For citation: Epstein, M. N. (2020), "Two-face Chronos. Glossary of the Reversed Time", *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 180-198 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.009

— Мертвые следуют за нами, — сказал Леголас. — Я вижу тени всадников, тусклые стяги, как клочья тумана, копья, точно заиндевелый кустарник. Они следуют за нами.

— Да, мертвецы не отстают. Они откликнулись на зов, — сказал Элладан.

Толкиен. Властелин колец.

Время, назад! От ретро- к некро-

Понятие «ретромании» приобрело известность после выхода книги британского музыкального критика и журналиста Саймона Рейнольдса «Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого» (2011) [Reynolds 2011]. Со смесью иронии, горечи и ностальгии Рейнолдс пишет о том, что будущее поп-культуры — это ее прошлое: воссоединение музыкальных групп, переиздания классических альбомов, римейки, мэшапы... При этом ресурсы прошлого не безграничны, и что случится, когда они исчерпаются? Не ожидает ли нас катастрофа, ведь создавать новое мы уже разучились?

Ретромания, которая стала утверждаться в России в XXI в., имеет две характерные черты.

Во-первых, масштаб. Это не поп-музыка и не поп-культура, а вся жизнь страны, система ее ценностных ориентаций и поведение на мировой арене. Это ретро-идеология властей, ретро-психология масс, стремление повернуть вспять вектор истории, возрождение ретро-советской и ретро-империальной ментальности и традиций.

Во-вторых, выход за рамки ретро-. Ретромания, описанная Саймоном Рейнольдсом, обращена в глубину прошлого лишь на несколько десятков лет, воссоздавая стили 1960-х — 1980-х. Подобное ретро имело место и в России с середины 1990-х гг., воплощаясь в таких проектах, как «Старые песни о главном», возрождавшие позднесоветскую эстраду, или в ностальгических фильмах, таких как «Над темной водой» (Д. Месхиев). Позже, в 2000-х, стал входить в моду ранее осмеянный брежневский политический стиль «застой» с его установкой на «стабильность», или «стабилизец», как ёрничали в конце 2010-х. Но дальше — все более крутой обрыв в прошлое. Рамки «ретро» уже стали узки для того обвала в архаику, который происходит в России, с особым ускорением после 2014 г. Вспоминается неосуществленный проект поворота северных рек на юг, чтобы заставить их орошать азиатские пустыни. Время

оказалось более податливой субстанцией, чем вода, и на знамени новейшей эпохи написано: «Время, назад!»

Как и в XX в., Россия идет впереди планеты всей, совершая безудержный прыжок — однако уже не в коммунистическое будущее, а в феодальное прошлое. Стремительно захлопывается окно в Европу, и возрождаются идеалы допетровской Московии. Снова в чести Иван Грозный и опричнина. Это уже не ретро-, а архе-, АРХЕОКРАТИЯ, контрастно-симметричная советской футурократии... Вернулся государственный гимн советских времен — музыка А. Александрова на слова С. Михалкова. Победа над нацистской Германией в 1945 г. объявлена главным «скрепообразующим» событием российской истории. Центр национального самосознания сдвигается все глубже в старину. Был учрежден (в 2005 г.) праздник «народного единства» в честь разгрома польского гарнизона в Москве в 1612 г. — «день освобождения от польско-литовских захватчиков». Главным лицом Отечества, победителем широкомасштабного телевизионного конкурса «Имя Россия» признан (в 2008 г.) «святой благоверный» князь Александр Невский. Распространил ордынскую власть на Новгород, где выкалывал глаза тем, кто противился игу. XIII век. Получается, что за последующие восемь веков ни один великий ученый, писатель, композитор, мыслитель, полководец не просиял на отечественном небосклоне ярче, чем этот князь, бывший челобитную татаро-монголам.

А далее происходит еще один, радикальнейший поворот к новой политической метафизике — к НЕКРОКРАТИИ. Причем она сразу претендует на законодательный статус, т. е. мыслится именно как система власти. Приведем гротескный, но вместе с тем характерный пример. Выступая в Санкт-Петербурге на конференции «Вера и дела: социальная ответственность бизнеса» (2016), директор Института экономических стратегий (ИНЭС) РАН Александр Агеев заявил о необходимости законодательного обеспечения прав умерших на участие в общественной жизни страны. Это еще не технически затруднительное физическое воскрешение предков, к которому призывал Николай Федоров в своей философии общего дела, но, так сказать, электоральное, политически мотивированное воскрешение. Размышляя о Великой Отечественной войне как о точке консолидации общества, Агеев предложил предоставить избирательное право 27 миллионам советских граждан, погибшим на войне:

...Погибшие смогли бы влиять на текущие дела в стране, к развитию и спасению которой они имели непосредственное отношение. Например, за них могли бы голосовать их семьи. <...> Право голоса, возможно, должны получить сразу несколько предыдущих поколений, а не только те, кто погиб в войне. Причина та же: они должны иметь возможность влиять на текущие события, которые становятся продолжением их собственной жизни [Директор института РАН 2016].

Это говорит не дряхлый ветеран и не телевизионный пропагандист, а Александр Иванович Агеев — генеральный директор Института экономических стратегий Российской академии наук, директор Международного научно-исследовательского института проблем управления, заведующий кафедрой управления бизнес-проектами НИЯУ МИФИ, доктор экономических наук, профессор МГИМО...

Сколь ни эксцентричными кажутся эти призывы предоставить умершим избирательные права, они приоткрывают мистическую основу амбиций нынешней власти. Понимают ли российские некроманы, что, привлекая в свои ряды мертвецов, они сами, по сути, пополняют их ряды? Чаадаев, первый самобытный русский мыслитель, свои «Философические письма» подписывал «Некрополис» (имелась в виду Москва — «город мертвых»). И вот чаадаевский сарказм, совершив полный круг в истории страны, оборачивается государственным проектом Некрократии. А мертвые души, на скупке которых рассчитывал преуспеть Чичиков, заложив их в Опекунский совет и получив в кредит по двести рублей за каждую, теперь превращаются в инструмент извлечения политического капитала: на дополнительные голоса десятков миллионов умерших можно легко провести в депутаты всех, кого пожелает власть.

Конечно, остается вопрос, за кого и за что они будут голосовать? Погибшие в Великой Отечественной — за Сталина, в гражданской — за коммунизм и монархию, в Первой мировой — за царя... Как бы не разразилась новая гражданская война между мертвецами, несущая им повторную гибель!

Главная фигура некрократии — слугитель войны, тот, кто готов убивать и умирать. В современной России даже новорожденных заворачивают в пеленки цвета хаки, а младенцев наряжают в военную форму, т. е. готовят им участь пушечного мяса, как будто они прямо рождаются на *том* свет. Детские коляски производятся в виде танков. Проводятся парады детских войск. Юнармейцы получают привилегии при поступлении в вузы...

Смысл этих новых обрядов ясен. Когда родители одевают своих детей в армейскую униформу, они, по сути, совершают ритуальное жертвоприношение, т. е. дают свое согласие на их превращение в пушечное мясо. Смерть символически встречает новое поколение уже у колыбели. Кажется, Россия дожила до очередной революции, не политической, а апокалиптической, — в одной отдельно взятой стране, где мертвые берут власть над живыми. Собственно, этого можно было ожидать: целый век символом политический власти оставался труп в столице страны. Да и зомбоящик недаром трудился — расплодил миллионы зомби. Так что нынешняя ситуация чем-то напоминает революционную, и напрашивается почти знакомая формула: «Суверенная клептократия плюс танатализация всей страны».

Танатализация (thanatalization, от Thanatos, греческий бог, олицетворяющий смерть) — усиление инстинкта смерти в обществе, его преобладание

над инстинктом любви (эросом). Танатализация — то, о чем писали Гоголь в «Мертвых душах», Чаадаев в «Философических письмах», Чехов в «Человеке в футляре», Платонов в «Котловане» и «Чевенгуре» (где есть образ «мертвого брата», соприсущего человеку), Шаламов в «Колымских рассказах», Юрий Мамлеев в «Шатунах». Общее у этих произведений — представление о стране и обществе как о царстве смерти, где немногие, оставшиеся в живых, отчаянно пытаются спасти себя и близких.

Еще в начале XX в. Д. С. Мережковский говорил о трех смертях, которые необходимо преодолеть России, чтобы выжить. Это сила мертвого, механического, деспотического государства; косность омертвевшей церковной иерархии, ставшей частью государства и утратившей связь с жизнью духа; и власть тьмы, народного невежества, покорности, забитости, рабства. Некрократия уже исторически правила в России, но у Мережковского все-таки прорывалась надежда на революцию духа. Кончилось всё это революцией 1917 г., нетленным трупом в самом центре страны, ГУЛагом на ее необъятных просторах и попыткой превратить весь мир в концлагерь социализма.

Танатофилия советской эпохи, с ее культовым символом, мавзолеем, получает дальнейшее развитие в постсоветскую эпоху. Танатализация общества проявляется в его милитаризации, культе силы и оружия, умножении всяких запретов, росте цензуры, в страхе перед всем живым и самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать. Процветает культ войны, ее жертв и жрецов — воинов. Милитаризируются политика, экономика и даже религия. Церковь мобилизуется на прославление армии и воинской доблести. Чего стоит один только строящийся в Подмоскovie Главный храм Вооруженных сил России, с приделом Святого Илии Пророка как покровителя Воздушно-космических сил и Воздушно-десантных войск, и приделом Святой Варвары Великомученицы как покровительницы Ракетных войск стратегического назначения [Главный храм 2020]! Поп-культура раскручивает образы битв и жертв, встраивая их даже в потребительские товары. Одержимость смертью проникает в эотику и создает новый жанр: *pornography* превращается в *warography*. Нагота оказывается прельстительней в сочетании со знаками войны [Победобесие 2016; Победобесие 2020]. Фрейд противопоставлял инстинкты Эроса и Танатоса, однако в **некрократии** они сливаются воедино. Мертвое постепенно берет власть над живым.

Как известно, в СССР был разработан комплекс автоматического управления массиванным ядерным ударом, который назывался «Периметр», или «Мертвая рука». Даже после поражения страны эта система способна нанести ответный удар по противнику и гарантировать его ядерное уничтожение. Этой способностью России поразить врага насмерть даже после собственной гибели сегодня похваляются политики и пропагандисты. У нынешнего режима, в отличие от советского, нет ни малейшего шанса на победу в мировой войне,

если он захочет ее развязать. Нет идей, перспектив, экономических ресурсов, нет никакого будущего, кроме прошлого, причем такого отдаленного, что ему не выжить в XXI в. Победить он не может, но уничтожить мир — вполне. Ради чего?

В гламурно-официозном фильме Ф. Бондарчука «Сталинград» есть одна пронзительная фраза, как будто выплывшая с другого уровня глубины. Немецкий капитан в исполнении Томаса Кречмана замечает: с вами, русскими, невозможно нормально воевать, потому что вы сражаетесь не ради победы, а ради *мест*. Моральное различие в том, что воля к победе диктуется верой, надеждой, любовью, а месть — только ненавистью. Во время Великой Отечественной было ясно, за что стоит умирать, хотя и тогда ненависть к врагам все-таки преобладала над любовью к социалистическому отечеству. Что же говорить о нашем времени! Единственная цель возможной войны — месть более свободным, предприимчивым, удачливым, тем, у кого есть история, право, наука, техника, прорывы в будущее.

Говорят, что мертвые хватают живых; и чем ближе они к могиле, тем сильнее хватка. «Мертвая рука» — это не только система автоматического ядерного удара, это антиистория, это сила, которая тащит живых в царство мертвых. Умиращая империя, уходя, готова громко хлопнуть крышкой гроба.

* * *

Некрократия, танатализация... Непривычные понятия. Дело в том, что в эпоху великого поворота времени общепринятые политические термины, такие как «фашизм», «тоталитаризм», «либерализм», «демократия», взятые из лексикона других эпох, не дают адекватного представления о постсоветской и особенно послекрымской России. Масштаб, вектор и скорость общественно-исторических перемен нуждаются в терминах из области психологии, метафизики, общей теории систем. Речь может идти об энтропии, о хаосе, о законах термодинамики, о стреле времени, о борьбе жизни и смерти...

Ниже предлагается дополнительный ряд новых понятий, позволяющих осмыслить это второе лицо современного Хроноса, обращенное вспять.

Тотальгия
Хроноцид
Ухрония
Новейшее средневековье
Шизофашизм
Новомосковия
Топохрон
Хронократия

Тотальгия

ТОТАЛЬГИЯ (totalgia; контаминация слов *тотальность* и *ностальгия*, от греч. algos — страдание, боль; производные: *тотальгический*, totalgic; *тотальгировать* — предаваться тотальгии) — тоска по целостности, по тотальности, по тоталитарному строю. Для многих граждан бывшей советской сверхдержавы тотальность — это весьма притягательный, ностальгический образ полноты бытия. Тотальгия — чувство многостороннее, она бывает идейной, зрительной, вкусовой и даже обонятельной и осязательной. Тотальгия может разыграться при виде орденоносной газеты, когда соскребываешь старые обои на даче, либо когда ешь сгущенку или копченую колбасу, деликатесы советских времен.

Тотальгия — это тоска по единению с народом. «Хотеть, в отличие от хлыща / В его существованье кратком, / Труда со всеми сообща / И заодно с правопорядком» (1931). Такова раннесоветская поэтическая формула тотальгии у Б. Пастернака. Тогда, в начале 1930-х гг., тотальгия еще была обращена в коммунистическое будущее, как мечта интеллигента-одиночки о слиянии с новой породой людей. Постсоветская тотальгия в основном была обращена в брежневский застой. Но со временем все более заметны формы уже не возвратной, а наступательной тотальгии, тоски по тоталитарному будущему: неофашизм, неонацизм, евразийство... Тотальгией многое объясняется в России XXI в.: властная вертикаль, отсутствие разделения властей, ось вождь — народ... В этой тотальгии трудно отделить утопию от пародии, а мемуар от пиара. Это и возвышающая фантазия о прошлом, и мечта о сверхдержаве будущего.

И вот уже весь народ поет тотальгические «песни о главном». Новейшая тотальгия неожиданно захватила даже писателя Дмитрия Быкова: как только речь заходит об СССР, поражает слепое пятно в этом блестящем уме.

...Советский Союз утонул, империя пала. Можно относиться к этой эпохе сколь угодно критично, но мы видим, что погубившие ее вещи обернулись гораздо большей бедой... Да, советская власть натворила отвратительных дел, но при этом всегда говорила очень правильные слова, и эти правильные слова успели воспитать несколько неплохих поколений. Я долгое время для себя решал вопрос, почему это так, и пришел к выводу, что важен не вектор, а масштаб. Советская диктатура была первоклассной, а нынешняя свобода является второсортной, это очень посредственная свобода [Быков 2011a]¹.

---

¹ Следующий манифест тотальгии — статья Д. Быкова «Чума и чумка», где он полемизирует со мной [Быков 2011b]. Мой ответ — в статье «Итак, хвала тебе, Чума...». Можно ли отделить больного от болезни?» [Эпштейн 2011].

Нет, воспитывают не сами по себе правильные слова, а именно расхождение правильных слов и отвратительных дел. И ничего кроме апатии, цинизма, лицемерия, злобы, изуверства, предательства, человеконенавистничества такое расхождение воспитать не может. А хвалить советскую диктатуру за то, что она была первоклассной, — это такое сальто-мортале, что, кажется, ум и вправду мортализирует до «полной гибели всерьез». Любование красочным злодейством в его вселенском масштабе... Неужели не ясно, что самая посредственная свобода неизмеримо лучше самой первоклассной диктатуры, потому что позволяет человеку выжить и сохранить достоинство?

Как такой веселый, светлый, просветительский ум мог прийти к столь тотальгическим выводам? Ключ — в любимом герое и как бы «alter ego» Д. Быкова — в Борисе Пастернаке, одном из первых поэтов, от души восславивших Сталина как художника («Мне по душе строптивый норв Артиста в силе...»): «А в те же дни на расстоянье / За древней каменной стеной / Живет не человек — деянье / Поступок ростом с шар земной» («Художник», 1936).

Вот планетарный масштаб, столь угодный артисту, соразмерный ему как Фаусту и фантасту. Эстетическая тотальгия — это платоно-вагнеровская утопия о государстве как совершенном произведении искусства, мечта художника слова о художнике дела. И пусть это всеблагое государство, воздвигнутое гением поступка, не потерпит свободного гения слова, изгонит или задушит поэта как своего соперника, — он рад принять и это. И «весь я рад сойти на нет В революционной воле» («Весеннею порою льда...», 1931).

Прочитую самого Д. Быкова, который в своем «Пастернаке» как бы предсказал собственную тотальгию: «Самое же горькое заключается в том, что для Пастернака — и для любого крупного дарования — главным критерием оценки события или деятеля является масштаб. Масштабное зло можно ненавидеть, но уважать, — мелкое и компромиссное добро чаще всего удостаивается презрения» [Быков 2005, с. 521–522].

Быкову горько за Пастернака, мне — за Быкова. Но есть и разница. Пастернак эстетизировал диктатора, пока его исторический масштаб еще был очевиднее, чем моральный вектор. Первоклассная диктатура только строилась, и еще можно было жить «в надежде славы и добра», уповать на сохранение масштаба при повороте вектора: от красочного зла — к красочному добру. «Итак, вперед, не трепеща / И утешаясь параллелью...» («Столетье с лишним — не вчера...», 1931).

Но сейчас, спустя почти еще одно столетие, параллель не утешает, перед нами уже не начало славных дней, а их бесславный конец. Можно бестрепетно ринуться вперед, и в этом обаяние риска, но ринуться бестрепетно назад — это уже инерция заколдованности и гибельной обреченности. Тогда «в эту дыру сквозило будущее», а сейчас — прошлое. Такова разница поступательной и возвратной тотальгии. Пастернак, современник восходящей утопии, имел

хотя бы эстетическое право на моральную ошибку. У нынешних тотальгистов такого права уже нет.

Хроноцид

ХРОНОЦИД (chronocide, греч. *chronos* время и лат. *caedere* убивать) — времяубийство, насилие над естественным ходом времени, над историей, эволюцией; разрушение связи времен, принесение одного времени в жертву другому.

Новейшая история превратила суффикс «цид» — «убийство» — в один из продуктивных способов словообразования. «Цареубийство», «отцеубийство», «братоубийство», «геноцид», «экоцид»... Особенно блистательную карьеру сделал этот суффикс с тех пор, как в 1944 г. термин «геноцид» был введен в обиход американским юристом польского происхождения Рафаэлем Лемкиным. На исходе XX в., обобщая его (термина) богатый криминальный опыт, стало насущным и понятие «хроноцид».

Хроноцид, *геноцид* и *экоцид*, как правило, связаны прямой линией революционной преемственности. Революция начинается *хроноцидом*, идейным убийством прошлого и настоящего во имя абстрактного будущего. Потом революция начинает поглощать жизнь реальных людей, переходя в *геноцид* — истребление целых народов, сословий и классов, которым суждено остаться в прошлом, ибо они недостойны будущего. Наконец, уставшая революция, отчаявшись дать обещанное и разрушив производительные силы общества, подводит себе итог в хищном потреблении и уничтожении природы — в *экоциде*. Расправившись со временем, революция обрушивается на людей и наконец опустошает живую среду обитания. Обычно последствия геноцида и экоцида поддаются объективному учету — демографические потери населения, истощение природных ресурсов...

Но первое звено в этой цепи — именно *хроноцид*, незримый переворот в сознании людей, освобождающих себя от прошлого — или от будущего... Если на заре XX в. революция мыслилась как расправа с проклятым прошлым, прыжок в грядущее царство свободы, то на закате прошлого века и особенно на восходе нынешнего ностальгически освящаются глубины прошлого и идея правды, обращенной вспять «революции» — тотальной реакции. С точки зрения *радикального традиционализма*, представленного наследием Р. Генона, Ю. Эволи и других крайне правых теоретиков, «основной задачей является Реставрация Интегральной Традиции во всем ее тотальном измерении» (А. Дугин). Идеология неоархаики — еще одно покушение на время, на этот раз — убийство проклятого будущего во имя священного прошлого. Как всегда, хроноцид вызывает призрак революции — уже не лево-прогрессивной, а фашистской, национал-социалистической. Великая Традиция,

забытая в ходе тысячелетий, должна быть освобождена от гнилых наслоений мнимого прогресса.

Вслушаемся в голос новой революции, провозглашающей свободу прошедшего от будущего: «Основной нашей задачей... является Реставрация Интегральной Традиции во всем ее тотальном измерении. Традиция, по определению Рене Генона, это совокупность богооткровенных, нечеловеческих Знаний, которые определяли строй всех сакральных цивилизаций — от райских империй Золотого Века, исчезнувших много тысячелетий назад, до Средневековой цивилизации...» [Дугин 1991, с. 1]² Значит, всё, что случилось после Средневековья: Микеланджело и Леонардо, Шекспир и Гёте, Моцарт и Кант — это отступление, предательство или ошибка. Всё, что принесло Новое время, да и само свойство новизны, должно сгореть в искупительном пожаре последней революции. «Грядет огонь глобальной Национальной Революции, Социалистической Революции, Последней Революции, которая завершит цикл упадка человеческой истории» [Дугин 1993, с. 17]. Правая революция, которая пинком провожает в прошлое XX век, да и всё Новое время, — это оборотень той левой революции, которая отвергала наследие «эксплуататорских» обществ и рывком распахивала дверь навстречу бесклассовому будущему.

Ухрония

УХРОНИЯ (*uchronia*; греч. *ου*, не, нет, и *chronos*, время) — безвременье, вневременье, мир остановленного времени; тип общества или политического режима, в которых фактор времени, исторического изменения сведен к минимуму.

По способу образования и значению термин «ухрония» соотносится с «утопией» (буквально — «безместие», «место, которого нет»). По мере своего осуществления утопия — обращенная в будущее или в прошлое — переходит в *ухронию*, разрыв самой истории, остановку времени. Место, которого нет, становится временем, в котором ничего не происходит. Если мир, каким он изображается в утопии, прекрасен и совершенен, значит, в нем уже нечего делать времени. Антиутопии Замятина, Оруэлла — это еще и *антиухронии*, разоблачения того *хроноцида*, времяубийства, в котором состоит главное историческое преступление утопических режимов.

Как слову «утопия» в русском языке дополнительную выразительность придает его переключка со словами «утопить», «утопление» (что обыгрывается Андреем Платоновым), так смысл «ухронии» проясняется созвучием слова с «хоронить», «захоронение»: это похороны времени, захоронение жертв, принесенных на алтарь будущего или вечности.

---

² Этот текст А. Дугина — один первых опубликованных манифестов российской и международной «консервативной революции».

В начале 1990-х гг. в моде была идея «конца истории», якобы счастливо завершённой разрешением всех конфликтов в пользу всепобеждающей западной демократии (Ф. Фукуяма). Эта ухрония на демократический лад сопоставима с ухрониями тоталитарного или идеократического образца.

Новейшее средневековье

НОВЕЙШЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (Newest Middle Ages) — характеристика современной эпохи, отмеченной конфликтом цивилизаций и ростом религиозного и политического фундаментализма.

Некоторые считают, что исторически XX век завершился не 31 декабря 2000-го, а 11 сентября 2001 г., когда рухнули башни-близнецы в Нью-Йорке и началась война западной цивилизации и исламистского фундаментализма. Но, может быть, это слишком поспешные выводы и XXI век во всей своей умопомрачительной реальности еще не наступил?

Ведь и XX век, как полагают многие, начался 28 июля 1914 г., вместе с Первой мировой войной, о чем писала Ахматова в «Поэме без героя»:

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Непонятный таился гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек, —
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

«Новым средневековьем» назвал грядущий XX век Николай Бердяев в своей одноименной книге (1924). Его приметы — коммунизм, фашизм, евразийство, идеократия, индоктринация масс, отрицание ценностей Нового времени: гуманизма, индивидуализма, рационализма и демократии. Казалось, Новое средневековье, начавшееся в 1914 г., ушло в прошлое вместе с крушением фашизма и коммунизма и с падением железного занавеса в 1989 г., т. е. продлилось примерно 75 лет. Следующая декада, 1990-е, прошла под знаком эйфории от глобальной победы демократии и рационализма западного стиля — человечество вернулось на магистраль Нового времени.

Однако XXI в. начался со взрывного рецидива нового средневековья, теперь исходящего от исламизма и, как становится ясно, от России, примкнувшей к этому новейшему медиэвализму. В ней стали возрождаться архаические черты

не только дореволюционной, но и допетровской эпохи, включая противопоставление себя Западу, отход от секуляризма к религиозному фундаментализму, милитаризация, ограничение роли науки и просвещения...

Новейшее средневековье XXI в. отличается от Нового средневековья XX в. тем, что оно постсекулярное, постутопическое и постфутуристическое, т. е. опирается на религиозно-национальную традицию, на традиционализм как таковой, и обращено в прошлое, а не в будущее. У него, в отличие от тоталитаризма XX в. (особенно коммунистического), нет опоры внутри западных обществ, оно может рассчитывать лишь на силовую внешнюю экспансию либо на автаркию. Многие черты Новейшего средневековья художественно предвосхищены в повести В. Сорокина «День опричника» (2006). Новейшее средневековье пришло на смену постмодерной эпохе, которая отделяет его от Нового средневековья и определяет разницу между ними, в частности разницу между фашизмом 1920–1940-х гг. и *шизофашизмом* начала XXI в.

Шизофашизм

ШИЗОФАШИЗМ (schizofascism) — фашизм под маской борьбы с фашизмом. Собственно фашизм — цельное мировоззрение, соединяющее расовую теорию, империализм, национализм, ксенофобию, великодержавность, антикапитализм, антидемократизм, антилиберализм. Шизофашизм — это расколотое мировоззрение, своего рода карикатура на фашизм, но серьезная, опасная, агрессивная карикатура. Это фашистская истерика, за которой скрывается вполне холодное сознание своих меркантильных расчетов. Шизофашизм проявляется в истерической ненависти к свободе, демократии, ко всему чужестранному, к людям иной идентичности, а также в поиске врагов и предателей среди своего народа. Но это шовинистическое мировоззрение находится в шизофреническом расколе со стремлением использовать те самые блага, которые обеспечивает «враг»: приобретать недвижимость за рубежом, давать образование детям в странах «Гейропы» и «Пиндостана», проводить там отпуск, хранить капиталы в банках и т. д.

Шизофашизм отличается от традиционного фашизма цинизмом и коррупцией, а также новейшим «ноу-хау»: чем глубже пропасть между идеалом и фактом, тем больше это импонирует массам. Пропаганда лжет откровенно — в расчете, что народу ложь понравится, если она «наша», нам льстящая, а их «уделяющая». Такую «правильную», «патриотическую» ложь (типа «распятого мальчика на площади») встречают с особым воодушевлением. Наглость обмана и оправданное им насилие как бы служат гарантией того, что лгущий — свой до гробовой доски, поскольку он теперь повязан ложью и кровью. Боязливая ложь может уклоняться от истины на несколько градусов, ложь посмелее — на 90 градусов, а совсем отважная и наглая — на 180, т. е.

прямо обратна истине. Шизофашизм вбирает в себя некоторые черты постмодерна: презрение к реальности, культ гиперреальности, насаждение симулякров, приоритет означающих над означаемыми, — но при этом отрывает их от рефлексии, игры, иронии и ставит на службу архаическим общественным структурам, инстинктам власти и массовой сплоченности. Особенно яркая черта шизофашизма — действовать под маской борьбы против фашизма.

Новомосковия

НОВОМОСКОВИЯ (Neomuscovy) — новое Российское государство, сосредоточенное вокруг Москвы и расширенно воспроизводящее очертания средневековой Московии.

В 2014 г. был введен в действие проект «Новороссии» — расширения «русского мира» за границы России в сторону юга и запада. Но в результате Россия стала ускоренно двигаться в обратном направлении, к «Московии». Так называли русское государство допетровской эпохи, с XV в. до конца XVII в., с его стремлением отгородиться от Запада, над которым оно превозносило себя как оплот истинной, православной веры.

Вот что писал Н. Бердяев о Московском царстве: «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его идеализировали свободолюбивые славянофилы. Лучше был киевский период и период татарского ига, особенно для церкви, и уж, конечно, был лучше и значительнее дуалистический, раскольничий петербургский период, в котором наиболее раскрылся творческий гений русского народа. Киевская Россия не была замкнута от Запада, была восприимчивее и свободнее, чем Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость (менее всего святых было в этот период)... Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю. Это была теократия с преобладанием царства над священством» («Русская идея», 1946).

Петровские реформы взломали замкнутость московской Руси и открыли ее Западу. Именно в эту эпоху, в XVIII–XIX вв., название «Россия» вытесняет «Московию». В отличие от Московии, Россия позиционировала себя как часть западной цивилизации. И в советскую эпоху, несмотря на железный занавес, Россия всё еще продолжала петровский курс на «глобальную цивилизацию» и даже расширила круг своих геополитических притязаний на весь земной шар как арену «мировой революции». После распада Советского Союза это пространство стало схлопываться, сначала до размеров СНГ. Но в XXI в. «русский мир» еще больше сузился, не вопреки, а именно благодаря стремлению России сохранить свое влияние на постсоветском пространстве военными мерами.

Как ни парадоксально, именно попытка неоимпериальной экспансии может обернуться для России сжатием ее пространства до размеров, примерно совпадающих с той «Московией», какой она была до начала Петровских реформ. Вместо чаемого географического расширения в «Новороссию», получается историческое сужение в «Новую Московию», азиатскую страну, отгородившуюся от мира. Появление этой «Новомосковии», т. е. изоляция, автаркия — одно из проявлений инстинкта смерти: страна забивается в свою историческую утробу. Такую «обратную» биологию общественного организма — стремление свернуться в эмбрион — глубоко раскрыл Платонов в «Котловане» и «Чевенгуре».

Еще один парадокс состоит в том, что именно «питерские» опрокинули петровский вектор развития России — радикальнее, чем большевики, которые направляли ее в сторону наибольшей всемирности, Третьего интернационала («а четвертому не бывать»). Если сразу после распада СССР казалось, что Россия возвращается к своей дореволюционной идентичности, к петровскому проекту сближения с Западом, то в последнее время резко обозначилось дальнейшее нисхождение страны по лестнице инволюции — к исторически более ранней матрице Московии. Основное сходство — не географические очертания, а политический изоляционизм, который парадоксально сочетается с экспансионизмом.

Так что уместнее говорить о новом политическом проекте власти не как о Новороссии, но как о *Новомосковии*. Дальнейшая логика инволюции может повлечь ее еще дальше — в период «феодальной раздробленности» русских земель...

Топохрон

ТОПОХРОН (topochron; инверсия понятия «хронотоп»). Преобладание топоса над хроносом, пространства над временем в определенной культурно-исторической модели.

Применяя бахтинское понятие хронотопа к российской или советской цивилизации, обнаруживаешь закономерность: хронос в ней вытесняется и поглощается топосом. Сама история этой страны, как писал В. О. Ключевский, состояла в непрерывной колонизации новых земель, завоевании пространства на все четыре стороны света, а затем — как настаивал Н. Ф. Федоров, ссылаясь на распаханность и «небоекмость» русской равнины, — и на «пятую» сторону, в направлении открытого космоса. История России — проекция ее географии, и исторические периоды отмечаются не чисто временными изменениями, а расширениями в пространстве.

«Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры,

когда, наконец, он посредством естественного зарождения и поглощения встречаемых инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине...» [Ключевский 1956, т. 1, с. 32].

Поскольку Россия привыкла *исторические* вопросы решать *географически*, этой стране принадлежит столь большое место в пространстве, что ей трудно найти свое место во времени. На протяжении последних трех веков, с эпохи Петровских реформ, Россия жадно стремилась войти в историю — но лишь для того, чтобы превзойти ее, мгновенно опередить степенно шествующие историческими путями западные народы и оказаться «по ту сторону истории», в царстве вечной истины и остановленного мгновенья. Среди народов, условно говоря, исторических и неисторических, Россия выбрала свой особый, «сверхисторический» путь: входя в историю, тут же готовиться к выходу из нее.

Время в России вытесняется пространством (физическим и метафизическим) — это «архимедов» закон погружения большого географического тела в историческую среду. Чем обширнее становилась Россия, тем медленнее текло в ней историческое время — и, наоборот, сокращаясь в пространстве, она убыстрялась во времени. Обременяясь новыми землями, Россия впадала в исторический сон и протрацию, что случилось в результате победных походов в Европу — 1812 и 1945 гг. И наоборот, после неудачных войн — Крымской, Японской, Первой мировой — Россия теряла части своей территории и тут же получала толчок исторического ускорения — реформы и революции. Неудача афганской войны выявила предел пространственного расширения коммунизма — и, подтолкнув империю к перестройке, вызвала ее развал. С отдачей Восточной Европы и республик, сбросив тучное пространство Советского Союза и социалистического лагеря, Россия 1990-х превратилась в самую динамичную (хотя и потенциально кризисную) часть мира. А как только опять погналась за расширением «русского мира», присвоила части Грузии и Украины, нацелилась на воссоздание империи — так время в ней не только затормозилось, но и побежало назад. Произошел обратный размен: времени на пространство.

* * *

В заключение — еще одно понятие, которое относится к другому лицу Хроноса, обращенному вперед. Это не значит — воспевать будущее и звать его на смену всем нынешним ретро-, архео- и некро-. Это значит — восстановить в правах само время, его неудержимый ход. Существующий политический словарь пестрит разнообразными «кратиями»: *демократия, аристократия, плутократия, оклократия, автократия, бюрократия...* Но одной «кратии» в нем явно недостает.

Хронократия

ХРОНОКРАТИЯ (букв. «власть времени», времяправие, времядержавие, от греч. *chronos*, время + *kratos*, власть) — диктатура времени как определяющий фактор общественной жизни. Это форма политического устройства, основанная на признании времени решающим фактором обновления структур власти и общества.

Хронократия предполагает безусловную сменяемость всех уровней и органов власти в строго отмеренные сроки. Для каждого сегмента культуры выделяется особый временной фактор, или «запас» новизны, в течение которого данное явление перестает восприниматься как легитимное и должно уступить другому. Президенты, автомобили, компьютеры, учебники, течения живописи, направления моды меняются в определенном порядке и ритме, по-разному заданном для каждой категории. Например, фиксированный срок правления для президента, сезон моды для стиля одежды, несколько недель для проката фильмов в кинотеатрах... Время — фактор легитимизации любого режима власти, даже если речь идет о властителях дум и мод. Время — хозяин, а президенты и корпорации — его слуги.

Хронократия не только совместима с демократией, но и составляет ее необходимое условие. Тоталитарные режимы, объявляющие себя «народными демократиями», могут и в самом деле пользоваться поддержкой большинства, но им чужд принцип времявластия. «Народный вождь», «лидер нации» возвышается над временем, а не подвластен ему. Идея демократии становится смутной и противоречивой, если она не дополняется режимом хронократии. Время умнее народа и лучше застраховано от политических ошибок. Все-таки этот механизм — время — запущен не нами. *Хронос старше и сильнее демоса.*

Список литературы

- Быков 2005 — *Быков Д.* Борис Пастернак. М. : Молодая гвардия, 2005. 893 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»; вып. 962).
- Быков 2011a — *Быков Д.* Мы живем в стране, которая культивирует всё худшее, что может быть в человеке [Электронный ресурс] // Аргументы и факты — Петербург. 2011. 19 сентября. URL: <http://www.spb.aif.ru/society/134691> (дата обращения: 05.03.2020).
- Быков 2011b — *Быков Д.* Чума и чумка. Об удобстве антисоветской риторики и благотворности абсолютного зла [Электронный ресурс] // Новая газета. 2011. 2 ноября (№ 123). URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/01/46586-chuma-i-chumka> (дата обращения: 05.03.2020).
- Главный храм 2020 — Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://hram.mil.ru/> (дата обращения: 05.03.2020).
- Директор института РАН 2016 — Директор института РАН предложил наделять правом голоса погибших во время Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // NEWSru.com. 2016. 20 мая. URL: <https://www.newsru.com/russia/20may2016/elections.html> (дата обращения: 05.03.2020).

- Дугин 1991 — Дугин А. О нашем журнале. Как мы понимаем традицию // Милый Ангел. Эзотерическое ревю. 1991. Т. 1. С. 1.
- Дугин 1993 — Дугин А. Загадка социализма // Элементы. 1993. № 4. С. 10-17.
- Ключевский 1956 — Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. Лекция 2 // Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1956. С. 32.
- Победобесие 2016 — «Победобесие», как оно есть (много фото) [Электронный ресурс] // LiveJournal. Блог пользователя naive_citizen. 2016. 1 февраля. URL: <https://naive-citizen.livejournal.com/132175.html> (дата обращения: 05.03.2020).
- Победобесие 2020 — Победобесие [Электронный ресурс] : спецпроект «Граней» и Фонда «Свободная Россия». 2020. URL: <https://pobedobesie.info/foto/> (дата обращения: 05.03.2020).
- Эпштейн 2011 — Эпштейн М. «Итак, хвала тебе, Чума...» Можно ли отделить больного от болезни? [Электронный ресурс] // Новая газета. 2011. 11 ноября (№ 126). URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/10/46717-171-itak-hvala-tebe-chuma-187> (дата обращения: 05.03.2020).
- Reynolds 2011 — Reynolds S. *Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past*. London : Faber and Faber Ltd., 2011. 496 p.

References

- Bykov, D. (2005), *Boris Pasternak, Molodaya gvardiya*, Moscow, 893 p. (in Russian).
- Bykov, D. (2011a), “We Live in a Country that Cultivates the Worst that Man Can Be”, *Argumenty i fakty — Peterburg*, 19 September, available at: <http://www.spb.aif.ru/society/134691> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Bykov, D. (2011b), “The Plague and Distemper. On the Convenience of Anti-Soviet Rhetoric and the Beneficence of Absolute Evil”, *Novaya gazeta*, no. 123, available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/01/46586-chuma-i-chumka> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- “Director of the RAS Institute Proposed that People who Died during the Great Patriotic War Should be Endowed with the Right to Vote” (2016), *NEWSru.com*, 20 May, available at: <https://www.newsru.com/russia/20may2016/elections.html> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Dugin, A. (1991), “On Our Journal. What Do We Understand by Tradition?”, *Milyi Angel. Ezotericheskoe revyu*, vol. 1, p. 1 (in Russian).
- Dugin, A. (1993), “The Enigma of Socialism”, *Elementy*, no. 4, pp. 10-17 (in Russian).
- Epshtein, M. (2011), “So, Plague, Our Praise upon You Here... Can the Sick be Separated from the Disease?”, *Novaya gazeta*, no. 126, available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/10/46717-171-itak-hvala-tebe-chuma-187> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Glavnyi khram Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii* [The Main Cathedral of the RF Armed Forces] (2020), available at: <https://hram.mil.ru/> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Klyuchevskii, V. O. (1956), “A Course in Russian History. P. 1. Lecture 2”, in Klyuchevskii, V. O., *Sochineniya, v 8 tomakh. Tom 1* [Collected Papers, in 8 vols, Vol. 1], Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, p. 32 (in Russian).
- Pobedobesie, spetsproekt «Granei» i Fonda «Svobodnaya Rossiya»* [The Exaggerated Victorious Hysteria, a Special Project of “Facets” and Free Russia Fund] (2020), available at: <https://pobedobesie.info/foto/> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- “The Exaggerated Victorious Hysteria, as It Is (a lot of photos)” (2016), *LiveJournal*, 1 February, available at: <https://naive-citizen.livejournal.com/132175.html> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Reynolds, S. (2011), *Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past*, Faber and Faber Ltd., London, 496 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 6.03.2020
Принята к публикации / Accepted: 7.09.2020

Информация об авторе

Эпштейн Михаил Наумович
профессор культуральной теории и русской
литературы
Университет Эмори
30322 США, Джорджия, Атланта,
ул. Доуман Драйв, 201
E-mail: russmne@emory.edu
Авторский ORCID: 0000-0003-1544-837X

Information about the author

Epstein, Mikhail Naumovich
Professor of Cultural Theory and Russian
Literature
Emory University
201 Downman Drive, Atlanta, Georgia
30322 USA
E-mail: russmne@emory.edu
Author's ORCID: 0000-0003-1544-837X